

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

...и грянул гром

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

...И грянул гром

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

...И грянул гром / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Мокрый гранд – на воровском жаргоне «ограбление с убийством». Убита семнадцатилетняя девушка, ограблена московская квартира. Подозреваемый – студент музыкального института имени Гнесиных. Почти одновременно с этим в Москве убивают владельца элитного ночного клуба, диджея столь же известного ночного клуба, а в далеком Краснохолмске двумя выстрелами из пистолета убит резидент закавказских наркоторговцев по кличке Бай. Преступления, казалось бы, не имеющие никакого отношения друг к другу. Но это только на первый взгляд. К расследованию привлекаются детективы агентства «Глория», и от страницы к странице начинают проступать очертания глобального по своим задумкам преступления российских наркобаронов, которые уже давно наладили промышленное производство наркотических таблеток экстази, – и теперь начинается кровавая борьба за рынки сбыта.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

	5
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Фридрих Незнанский

...И грянул гром

В московской квартире ударом стилета убита девушка, первокурсница художественного колледжа. Все говорит за то, что убийство это, судя по всему, было непреднамеренным – банда домушников наткнулась в квартире на дочь хозяйки дома, в то время как в этот час квартира обычно пустовала, и следствие останавливается на версии «мокрого гранда», то есть ограбление с убийством. Однако в этот же день пропадает, словно проваливается сквозь землю, студент Гнесинки, Дима Чудецкий, и детективы «Глории», к которым мать Чудецкого обратилась за помощью найти сына, узнают, что этим же утром Дима Чудецкий звонил убитой и, судя по всему, они виделись еще до того, как кто-то ударил ее стилетом в печень.

К поиску исчезнувшего студента Гнесинки, который, оказывается, уже давно пристрастился к марихуане и таблеткам экстази, подключаются МУР и группа капитана Сергачева из Московского управления по борьбе с наркотиками. Выясняется, что Чудецкий уже давно является своим человеком в элитном ночном клубе «Аризона», хозяин которого активный член наркосиндиката и давно уже наладил в Сибири производство экстази и теперь пытается завоевать московский наркорынок.

Под видом немецкого коммерсанта и его телохранителя Голованов и Агеев командируются в город Краснохолмск, где и разворачиваются основные события по ликвидации преступной группировки, которую возглавляет некоронованный король Краснохолмска, сын вице-губернатора области Николай Похмелкин. Однако главная задача Голованова – это вытащить из дерьма пока что ни в чем не повинного Чудецкого, и эту операцию он проводит достойно.

Глава первая

Лучи багряного закатного солнца с трудом пробивались сквозь узорчатые шторы балконной двери, раскрашивая дорогой паркет вечерними красками, в этих багряных и розово-желтых полутонах было что-то сюрреалистическое, почти мистическое, и только труп молодой девушки возвращал к суровой действительности. Со странно вывернутой рукой, она лежала на полу, наискось перегородив комнату, и жгучая белизна ее обнаженных ног на фоне подсохшей лужицы крови казалась столь же неестественной, как и все то, что произошло в этой уютной комнате пять – максимум шесть часов назад. По крайней мере, именно это время убийства обозначил судебно-медицинский эксперт, когда наконец-то закончил возиться с трупом.

– Два часа пополудни, – безапелляционно заявил эксперт, с трудом стаскивая с широких кистей медицинские перчатки. – Но не исключено, что ближе к трем. Не позже.

– Нож? – негромко спросил Мартынов, хотя и без того было ясно, что Валерия Лопатко погибла не от огнестрела. Довольно дорогой окровавленный нож с длинным выбрасывающимся лезвием лежал в полуметре от головы убитой, и впечатление было такое, будто она все еще тянется за ним.

Судмедэксперт покосился на молодого еще опера убойного отдела МУРа, которому из-за неопытности прощались подобные вопросы, видимо, с трудом великим удержался, чтобы не проехаться по профессиональной подготовке выпускников Вышки, вздохнул обреченно и только после этого повернулся к следователю межрайонной прокуратуры, который также ждал его заключения.

– Вскрытие, конечно, покажет, но уже сейчас могу сказать, что смерть наступила от проникновения колюще-режущего предмета в область печени. Судя по всему, ножа, с узким лезвием до пятнадцати сантиметров длиной.

И он кивнул на нож, до которого еще не дошли руки экспертов.

Видимо вполне согласный с предварительным заключением судмедэксперта, следователь пробурчал что-то маловразумительное и кивнул Мартынову, чтобы тот шел за ним. Когда вышли в коридор, произнес негромко:

– Ты с матерью убитой уже разговаривал?

– Не успел. Там вроде бы врач с ней возится.

– Как только придет в чувство, попробуй ее поговорить. А я с соседями пока что потолкую. Может, и проклянется что-нибудь важное.

Врач «скорой» сумел-таки вывести мать убитой из состояния шокового ступора, и теперь появилась надежда, что она сможет ответить хотя бы на часть вопросов, которые крутились на языке оперуполномоченного убойного отдела МУРа.

– Вы мама Валерии?

В ответ кивок и тоскливый взгляд наполненных слезами глаз, в которых плескалась боль.

– А ваш муж... отец Валерии?

– Мы... мы в разводе.

– Значит, в этой квартире вы жили вдвоем с дочерью?

И снова унылый кивок и тусклый, как приглушенное эхо, ответ:

– Вдвоем.

– Ваша дочь училась, работала?

На лице женщины застыл какой-то немой вопрос, но пока она не справилась с этим своим состоянием и так же тускло произнесла:

– Студентка... училась на дизайнера.

– Выходит, сегодня она должна была быть на занятиях?

На этот раз отрицательное покачивание головой и столь же тускло-бесцветное:

– Лерочка... она заболела. Что-то простудное. И вот...

Ее плечи дрогнули, она закрыла лицо руками, и стоявший неподалеку врач тут же сунул ей в руку небольшую мензурку с какой-то дрянью.

– Выпейте... Надежда Николаевна. Полегчает.

Видимо даже не осознавая до конца, что делает, мать убитой приняла протянутое лекарство, поднесла к губам и вдруг снова зашлась в рыданиях. Когда наконец-то ее отпустил и этот приступ, Мартынов задал, пожалуй, самый главный вопрос:

– Простите, а в какое время ваша дочь возвращалась из колледжа?

Явно не понимая, о чем ее спрашивает совсем еще молоденький коренастый оперативник, Надежда Николаевна моргнула ресницами, и на ее лице застыла мучительная маска убитого горем человека, которому забыться бы сейчас в своем горе, а его терзают непонятными вопросами.

– О чем вы? И зачем? Мартынов повторил вопрос и негромко добавил:

– Поймите, Надежда Николаевна, это очень важно.

Мать Валерии неопределенно пожала плечами:

– В четыре, а то и в пять. Раньше приезжать никак не получалось.

В пять... До четырех домой не возвращалась. А эксперт утверждает, что смерть наступила не позже трех...

Это уже была зацепка. По крайней мере, выстраивалась рабочая версия, и Мартынов негромко спросил:

– А в какое время вы возвращаетесь домой?

В потухших, заплаканных глазах можно было прочесть и удивление, и возмущение одновременно.

– Я?

– Да, вы, – уже более настойчиво произнес Мартынов. – Я имею в виду, вы в одно и то же время заканчиваете работу?

На лице женщины дернулся нерв, однако она все-таки смогла пересилить себя и тусклым, совершенно бесцветным голосом произнесла:

– Если вам, конечно, это что-то даст... Я парикмахером работаю... в салоне красоты. А график у нас – два по двенадцать. К тому же у каждого мастера есть свои постоянные клиенты, которые приглашают на дом, так что... – Она замолчала, и ее лицо застыло в известковой неподвижности.

За спиной Мартынова откашлялся врач «скорой», предупреждая муровского опера о возможных последствиях затянувшегося опроса, впрочем, Мартынов уже и сам понимал, что еще пара-тройка «ненавязчивых» вопросов – и мать убитой может впасть в истерику или, еще того хуже, в глубокий транс, однако не мог закончить разговор, пожалуй, без завершающего, самого главного, как теперь ему казалось, вопроса:

– Как давно заболела ваша дочь?

– Чего?.. Я не понимаю, – глухо отозвалась женщина, с трудом разлепив губы.

– Я имею в виду, как давно она не посещает колледж?

Надежда Николаевна пожала плечами, видимо с великим трудом заставляя работать мозг.

– Лерочка... она еще в субботу плохо себя почувствовала, покашливать стала, нос заложило... а утром, когда я на работу уходила, сказала, что в поликлинику пойдет.

– Итак, сегодня первый день?

– Да, – уже совершенно опустошенным голосом подтвердила мать убитой, и из ее груди вырвался надрывный протяжный стон, похожий на хрип обезумевшего от боли зверя.

Пора было заканчивать с этой пыткой, однако Мартынов не мог уйти, не задав самого последнего вопроса:

– Надежда Николаевна, я, конечно, все понимаю, как понимаю и то, насколько вам сейчас тяжело отвечать, но, ради бога... скажите, из вашей квартиры что-нибудь пропало? Может, вещи какие, золото, деньги?

Она оторвала от лица мокрые от слез ладони, ее рот приоткрылся, и женщина непонимающим взглядом уставилась на мучителя в штатском. И единственное, что можно было прочесть в ее глазах, это не выплаканную еще боль, которая воплем рвалась наружу: «Ты о чем, сынок?! Какие деньги? Какое золото? У меня дочь... у меня дочку убили!»

Наконец до нее все-таки дошел смысл вопроса – и она невнятно прошептала, с трудом проглотив подступивший к горлу комок:

– Я... я не знаю. Позвоните мужу... он подъедет. Телефон в записной книжке. Лопатко Михаил Богданович.

И замолчала, сжав руками голову.

Мартынов повернулся лицом к врачу «скорой», который уже готовил шприц для укола, однако тот только руками развел. Мол, всему есть предел – и даже железо ломается, если его пережать. А тут... человек.

Вернувшись в комнату, которая уже пропиталась, казалось, запахом смерти и крови, Мартынов отвел в сторону следователя, вкратце пересказал ему свою беседу с хозяйкой квартиры, и тот дал добро на телефонный звонок отцу Валерии.

Уже вырисовывалась рабочая версия убийства, и оставалось немного, чтобы запустить ее в оперативно-следственную разработку.

Когда до отца Валерии дошел наконец-то страшный смысл непонятного поначалу телефонного звонка, он глухо застонал и словно лишился дара речи. Уже привыкший к подобной реакции за те несколько лет, что он работал в уголовном розыске, Мартынов вынужден был напомнить о себе деликатным кашлем.

– Да, я слушаю вас, – послышался в трубке глухой, слегка надтреснутый мужской голос.

– Вы могли бы сейчас подъехать?

– Вы имеете в виду...

– Да.

– Еду. Лопатко не заставил себя ждать, и не прошло, пожалуй, получаса, как он, оттолкнув в сторону стоявшего на пороге милиционера, почти ворвался в комнату. И застыл на месте, уставившись остановившимся взглядом на цветастую накидку, под которой четко просматривались очертания человека.

– Лера? – почти выдохнул он, неизвестно к кому обращаясь.

– Да.

Он опустил перед ее головой, сдвинул накидку в сторону, долго, очень долго смотрел на заострившееся лицо дочери, и вдруг его плечи дрогнули от рвущихся из груди рыданий.

Не отрываясь взглядом от лица дочери, с трудом поднялся на ноги и глухо произнес:

– Кто ее?..

– Мы бы тоже хотели знать. Это произнес стоявший тут же Мартынов, и Лопатко повернулся на голос. Всем корпусом – словно крупный, матерый волк.

– Это вы мне звонили?

– Да. На побелевших скулах Лопатко шевельнулись вздувшиеся желваки, и он уставился на Мартынова пронизывающе-вопросительным взглядом. Словно сказать хотел: «Мою дочь какие-то звери... а ты, опер хренов...» – однако все-таки пересилил боль и глухо произнес:

– Слушаю вас.

– Нам нужна ваша помощь.

– Моя?!

– Да, ваша, – пришел на помощь Мартынову Львов. – Необходимо осмотреть квартиру и хотя бы визуально определить, не украдено ли что-нибудь.

– А... а Надя что? Она здесь? – дернулся к двери Лопатко.

– Здесь она, здесь, – поспешил успокоить его Львов. – Но... Короче говоря, ей самой сейчас необходима помощь. С ней врач на кухне возится.

При этих словах следователя плечи Лопатко поникли и он весь как бы стал ниже ростом.

– Да, конечно... плохо... – с лихорадочным блеском в глазах бормотал он. – Я помогу... я обязательно помогу.

И уже как бы оправдываясь сам перед собой:

– Я ведь недавно съехал отсюда. Квартиру дочке оставил... А с Надей... с Надей мы по-хорошему разошлись. Без дразг, без оскорблений и ругани. Конечно, Лерочка переживала сильно из-за нашего развода, но...

Оперативное совещание, которое проводил шеф Мартынова майор Стрельцов, обещало быть более чем коротким, как, впрочем, и не менее жестким. Об убийстве семнадцатилетней студентки художественного колледжа Валерии Лопатко уже раструбило несколько московских газетенок, не упустили этот сюжет и телевизионщики, так что возбужденное прокуратурой уголовное дело стало едва ли не подконтрольным, а это нервотрепка и та самая гонка по вертикали, когда не остается минутки-другой, чтобы по-настоящему осмыслить преступление.

Довольно жесткий с подчиненными, Стрельцов окинул взглядом собравшихся в его кабинете оперов, остановился на Мартынове, который едва не засыпал на стуле от суматошной круговерти прошедшей ночи, и даже не произнес, а скорее процедил сквозь зубы:

– Лейтенант, ждем доклада.

При обращении к старшим лейтенантам он почему-то всегда опускал слово «старший», и ему это прощалось. Не любил лишних слов и лишних предлогов майор, не любил, и все тут. Обращаясь к подполковникам, он также опускал предлог «под».

Мартынов вздохнул, уж в который раз подумал, что неплохо было бы и осадить как-нибудь «господина майора», однако, понимая, что этот жест оскорбленного офицера милиции самому себе в убыток станет, негромко произнес:

– Докладывать сейчас особо не о чем, но версия, выдвинутая Львовым в качестве рабочей, мне тоже кажется наиболее приемлемой, и группа уже приступила к ее разработке.

– И на чем же она построена, эта ваша версия? – с откровенной язвинкой в голосе поинтересовался Стрельцов, воспринимавший утвердительный тон своих подчиненных, даже если они были старшими лейтенантами, как подрыв своего собственного авторитета. – Освежи-ка в памяти основные вводные.

Мартынов пожал плечами. Вроде еще вчера вечером было все доложено и обговорено, а тут опять двадцать пять. Однако начальник отдела, он и в Африке кум, так что приходилось терпеть и молча сносить самые различные придирки. Ежели, конечно, хочешь стать майором.

– Я уже докладывал вам, что прокуратура остановилась на версии ограбления как на рабочей версии, и тому есть весьма веские основания.

Старший лейтенант знал, что майор Стрельцов не переносит сложноподчиненные предложения, тем более правильно построенные, однако помимо своей воли не мог перейти на казенный, рубленый слог рапорта.

– Короче можешь?

И вновь Мартынов пожал плечами. Мол, можно излагать и короче, только вряд ли это поможет делу.

– Так вот, основной фактор, который играет на эту версию как на рабочую, это не только убийство Валерии Лопатко, но и вынос наиболее ценных вещей, драгоценностей и денег, которые были на тот момент в квартире.

– То есть мокрый гранд?

– Можно сказать и так, – согласился с шефом Мартынов. – Судя по всему, квартира Лопатко уже давно была на привязи у домушников, они отследили время, когда хозяев не

бывает дома, и, посчитав, что вместе с матерью ушла и дочь, элементарным подбором ключей, а возможно что и отмычкой вскрыли замок.

– И когда увидели девушку...

– Так точно. Судя по всему, до этого она была в комнате, возможно даже, что смотрела телевизор, из-за чего и не услышала звук открываемой двери, но что-то заставило ее выглянуть в холл, и вот здесь-то... Возможно, что она закричала, и тут же получила удар в печень. Ножом. И уже после этого преступник, но, как мне кажется, все-таки преступники, спокойно обработали квартиру и так же спокойно ушли, не забыв закрыть входную дверь хозяйским ключом.

– Когда тебе кажется, лейтенант, то крестись, – не упустил возможность подкусить слишком разговорчивого и не в меру самостоятельного опера Стрельцов, – а пока что нам нужны только проверенные факты, которые могли бы работать на эту версию. Кстати, кто обнаружил убитую?

– Надежда Лопатко, мать убитой.

– Но ведь она же была на работе! – сделал охотничью стойку Стрельцов. – И, следуя ее же показаниям, раньше десяти никак не могла вернуться домой.

– Да, она действительно работает по два дня через двое суток, но вчера ее дочь неважно себя чувствовала, из-за чего и осталась дома. Уже будучи на работе, Надежда Лопатко несколько раз пыталась дозвониться до дочери, это было после двух, однако квартира словно вымерла, и она, начиная волноваться, приехала домой. Ну а когда открыла дверь и прошла в комнату...

– М-да, – процедил Стрельцов, который сам был отцом пятнадцатилетней дочери и каждую подобную трагедию воспринимал как свою, хотя и старался не выказывать своих чувств. И тут же, резко вскинув голову: – А что, в этой квартире было что брать?

– Да как вам сказать... – Мартынов совсем по-мальчишески почесал пятерней за ухом. – Запросы, конечно, у всех разные, но... Судя по тому, что показал отец убитой, после чего кое-какие дополнения дала и ее мать, наводка на эту квартиру была неслучайной. Если не считать видака фирмы «Сони», а также полного набора столового серебра дореволюционной работы, похищено также около трех тысяч американских долларов, более двадцати тысяч рублей и все золото, украшения и драгоценности, которые лежали на комод и в шкапулках. Также унесены обе шкапулки палехской работы, а это тоже деньги.

И снова задумчивое «м-да».

– А баксы-то у них откуда? – неожиданно вскинулся Стрельцов.

– Так ведь мать убитой парикмахер, – подсказал кто-то из оперов. – А с мастерами постоянная клиентура обычно баксами расплачивается.

– Ладно, оставим это, – буркнул явно уязвленный Стрельцов. – Квартира на охране?

Мартынов отрицательно качнул головой и, как бы оправдываясь за мать убитой, произнес негромко:

– В последнее время, когда начались нелады с мужем, матери убитой не до охраны было, к тому же дочь в это время уже заканчивала школу и у нее, как говорят соседи, просто времени не было заниматься постановкой квартиры на охрану, ну а потом... В общем, все собирались, да все некогда было.

– Вот так мы и живем, – резюмировал Стрельцов, уже загодя обвиняя мать Валерии, пусть даже косвенно, в гибели дочери. Мол, знали бы домушники, что квартира стоит на охране, вряд ли сунулись бы, а так... – Что говорят соседи?

Мартынов развел руками.

– Те соседи, что на лестничной площадке, ничего подозрительного не заметили, как, впрочем, и никакого шума никто не слышал, а вот что касается уже опрошенных жильцов дома, то здесь прорисовывается кое-что интересное. Две женщины, которые в начале третьего возвращались из магазина домой, видели, как из подъезда, в котором произошло ограбление

с убийством, вышел довольно высокий темноволосый парень, на плече которого висела явно тяжелая, объемистая спортивная сумка.

– И с чего бы это вдруг они обратили на него внимание? – позволил себе усомниться в достоверности рассказанного Стрельцов. – Насколько я знаю по своему собственному подъезду, у нас вообще никто никогда ни на кого не обращает внимания. А тут вдруг... высокий, молодой, темноволосый...

Кто-то из оперов хихикнул негромко, явно подыгрывая своему шефу, однако Мартынова было не сбить.

– Здесь особый случай, товарищ майор. Эти две женщины, возможно, тоже не обратили бы на того парня с сумкой внимания, если бы у стоявшей неподалеку машины этого шатена не поджидал еще один парень, который, как показалось тем женщинам, едва держался на ногах.

– Что, пьяный? – удивился Стрельцов, видимо впервые услышавший за всю свою многолетнюю милицейскую практику, чтобы домушники взяли на заключительный и оттого самый важный акт тщательно отработанной квартиры в стельку пьяного подельника, способного завалить дело.

– Возможно, что и пьяный. Но, как им показалось, этот блондин был все-таки скорее обкуренный, чем пьяный.

Это уже меняло дело.

– Фотороботы, надеюсь, составлены?

– Так точно.

– А что с пальчиками? Есть надежда?

– Нож. Однако сильно сомневаюсь, чтобы он где-то уже проходил.

Глава вторая

С того памятного вечера, когда она ждала своего Турецкого к ужину, а из него в это время уже извлекали пулю в больнице, Ирина Генриховна жила с обостренным чувством надвигающейся беды. И хотя в госпитале, куда сразу же после операции перевели Турецкого, его лечащий врач уверял ее, что еще несколько дней – и Александр Борисович сможет танцевать мазурку, это чувство нарастающей тревоги по-прежнему не отпускало. И она, в общем-то умная и здравомыслящая женщина, как сама о себе говорила Ирина Генриховна, не могла уловить причинную связь этого состояния. Хотя и копалась в самой себе как в корзинке с грибами, выискивая тот червивый, который мог подпортить весь сбор. И не могла найти, как ни старалась.

В какой-то момент подумала даже, что это ее состояние постоянной тревоги вызвано проблемами взрослеющей дочери, которая в свои пятнадцать лет уже рассуждала так, что ей, далеко не глупой матери, даже стыдно становилось порой за примитивность мышления, которое было присуще ее собственному поколению. Однако с дочерью, которая по-своему перенесла ранение отца, вроде бы установился полный контакт, но это знобко-беспокойное чувство по-прежнему не оставляло ее, а порой даже перехлестывало через край. Особенно это проявлялось ночами, ближе к утру, и она, с трудом проглотив чашечку кофе, ехала в свою Гнесинку.

Оставалась надежда, что облегчение придет во время класса музыки, который она вела в колледже, но зачастую не оправдывалась и эта надежда. И оттого, видимо, иногда срывалась едва ли не на крик бабы из коммунальной квартиры, чего вечерами опять-таки не могла себе простить.

...Войдя в кабинет и поздоровавшись с учениками, она обратила внимание, что вновь пустует стул Чудецкого, и этот в общем-то пустячный, казалось бы, факт еще сильнее обострил ее состояние внутренней тревоги. В Чудецком она видела будущего музыканта, занимаясь с ним, ставила на него как на будущую неординарную личность, которой еще будут аплодировать в Концертном зале имени Чайковского, и вдруг... Уже второй день не появляется в училище (с откровенным презрением относясь к бесцветно-тусклому слову «колледж», она продолжала называть училище имени Гнесиных училищем, и с этого ее не могли столкнуть даже упреки коллег в ректорате), а она не знает, что с ее учеником.

Ирина Генриховна покосилась на Стокова, который в этот момент раскладывал на пюпитре ноты:

– Староста, что с Чудецким? Не заболел, случаем?

По-юношески нескладный и длинный как жердь, Стоков оторвался глазами от нот, покосился на пустующее место и невразумительно пожал плечами:

– Чудецкий?.. Н-не знаю.

– Так кто же знать должен, как не староста? – вспыхнула Ирина Генриховна и тут же пожалела о своей несдержанности. Стоков хоть и староста группы, однако не пастух, поставленный ректоратом училища следить за своим стадом. К тому же, в отличие от того же Димы Чудецкого, которому не надо думать о хлебе насущном, Лева подрабатывает в каком-то детском саду, получая за это едва ли не копейки.

– Я... я выясню, – стушевался Стоков, и его торчащие уши стали пунцово-красными. – Я обязательно... после занятий... я позвоню ему.

– Не надо, – движением руки остановила его Ирина Генриховна. – Садись. Я сама позвоню.

Стоков снова уткнулся глазами в пюпитр, и только его уши, красные как разваренные раки, выдавали его состояние. И снова Ирина Генриховна обругала себя за несдержанность. Причем непонятно чем вызванную. Дима Чудецкий не первый, кто пропускает занятия, и

винить в этом старосту... Господи, чушь какая-то! И еще подумала, что пора бы заняться по-настоящему и собственными нервишками, может быть, даже поплавать месячишко-другой в бассейне, когда ее Турецкий окончательно пойдет на поправку. Короче говоря, в нынешнем ее состоянии надо не слюни распускать, а начинать жить более активной жизнью. Да и дочери, кстати говоря, побольше внимания уделять. Недавно увидела на ее столе несколько новехоньких книг по юридической практике, невольно удивилась этому, а вот спросить у дочери, с чего бы это она на ночь глядя стала читать комментарий к Уголовному кодексу, забыла.

Она была недовольна собой, что тут же отозвалось на ее учениках, и оттого, видимо, занятия прошли довольно-таки скомканно. Кто-то постоянно фальшивил, у кого-то вообще ничего не получалось, хотя еще вчера она радовалась за своих учеников, и она позволила себе облегченно вздохнуть, когда занятия наконец-то закончились.

– Все свободны, – прощаясь, сказала она и, уже обращаясь к Стокову, добавила: – Лева, ты особо-то не шебурши, я сама позвоню Чудецкому. И еще... ты уж, пожалуйста, извини меня.

– За что? – расцвел пунцовой краской Стоков.

– Извини!

Когда осталась одна, достала из сумочки мобильник с записной книжкой, нашла домашний телефон Чудецкого. Рядом с ним был записан номер мобильного телефона его матери, с которой, судя по всему, по просьбе Марины Чудецкой, ее познакомил сам Дима, набрала номер домашнего телефона. Чудецкий был не из тех учеников, кто отлынивал от занятий по музыке, и если он второй день не появляется в училище, значит, приболел и лежит дома. Однако трубку никто не поднимал, и она вынуждена была набрать номер еще раз. Результат прежний – длинные гудки и никакого ответа.

Уже начиная волноваться по-настоящему и думая о том, что если бы Дима вдруг заболел, хотя в пятницу он был совершенно здоров, то он бы обязательно позвонил ей домой или на мобильник, Ирина Генриховна решила перезвонить часом позже, как вдруг ожил ее мобильник. Она невольно вздрогнула, и, как оказалось, не зря.

Звонок был от Марины Чудецкой, и по одному только ее голосу, наполненному тревогой, можно было догадаться, что с Димой что-то случилось и срочно требуется помощь. И еще Ирина Генриховна невольно подумала о том, что, видимо, не зря зациклилась сегодня на своем ученике, хотя, казалось бы, и без него хлопот выше крыши.

– Ирина Генриховна, дорогая... – голос звонившей буквально вибрировал от волнения, – Дима... Дима пропал.

– Это... это как – пропал?

– Ну ушел из дома – и нет его.

– Простите, а разве он не заболел?

– Заболел?.. – эхом отозвалась Чудецкая. – Нет! Нет-нет. Он совершенно здоров был. Да и вчера, когда я уезжала на работу...

– Простите, но я-то думала, что он действительно загрипповал и оттого уже второй день не появляется в училище. И сама только что вам звонила.

– Господи, да здоров он был, здоров! – едва ли не рыдала мать Димы. – И вчера, когда я уезжала на работу, он тоже собирался в училище. Я и вечером, когда вернулась домой, и ночью, когда глаз не сомкнула, и утром, когда обзвонила всех его друзей...

– Выходит, он еще вчера ушел из дома – и до сих пор от него ни звонка, ни приветов?

– Да! Да, да, да!

– И часто с ним подобное случается?

– В том-то и дело, что первый раз.

– Что?.. – удивилась Ирина Генриховна. – Он ни разу не оставался ночевать у приятелей? Или...

Она хотела сказать «у девушки», но ее опередила Чудецкая:

– Господи, да не в этом дело, оставался он у кого-нибудь или не оставался! Конечно, случилось, что и дома не ночевал. Но... вы только поймите меня правильно. Договоренность у меня с ним: если у кого-нибудь остается или загулял не в меру, он всегда звонил мне и предупреждал, что ночью домой не придет или же придет поздно вечером. А тут... как в пропасть провалился.

Слушая взвинченный голос Чудецкой, Ирина Генриховна вдруг переключилась мысленно на свою собственную дочь, которая пока что ночует только дома, и невольно подумала о том, что не за горами тот час, когда она вот так же будет не спать вечерами, поджидая Нинку с дискотеки или со студенческой гулянки. И почувствовала вдруг, как сжалось сердце и болезненным холодком кольнуло под ложечкой.

– Простите, Марина Станиславовна, а вы... вы пробовали прозвониться Диме? Он же с мобильником не расстается.

– Неужто не пробовала! – совершенно глухим, неожиданно севшим голосом отозвалась Чудецкая. – Через каждые десять минут номер набираю.

– И что? Долгое, очень долгое молчание, тяжелый вздох и...

– Не отзывается, я... я уж не знаю, что и думать. Даже больницы все обзвонила.

– А в милицию... в милицию не обращались?

– Нет, – отозвалась Чудецкая и замолчала, видимо думая о чем-то своем.

– Но почему – нет? – удивилась Ирина Генриховна. – Если Дима пропал и не отзывается на мобильный звонок...

– Ну, во-первых, в милиции просто посмеются над тем, что совершенно взрослый парень не ночевал всего лишь одну ночь дома, а его мать-дура уже с ума сходит по этому поводу, а во-вторых... – Она замолчала, видимо не решаясь рассказать что-то глубоко тайное, может быть, даже очень неприятное, – наконец собралась с духом и негромко, будто боялась, что ее может услышать кто-то совершенно посторонний, сказала: – У Димы, как и у всякого творческого человека, маленькая склонность...

– К легким наркотикам? – чувствуя нарастающую заминку, подсказала ей Ирина Генриховна.

– Да, к легким, – торопливо подтвердила мать Чудецкого. – Он иногда с друзьями... баловства ради... – И уже чуть повысив голос: – Но вы-то откуда про это знаете?

– Да вроде бы как догадывалась.

– Догадывались?... И... и что? Ирина Генриховна пожала плечами:

– Да в общем-то не увидела в этом ничего криминального. Студенты!

– Вот! Правильно! – взвился голос Чудецкой. – Вы не увидели в этом ничего криминального! Потому что вы музыкант. Интеллигент. А в милиции, простите меня за это слово, в каждом мальчике, который хоть раз выкурил сигаретку с планом, видят законченного наркомана. И стоит мне только обратиться к ним с официальным заявлением об исчезновении Димы, так они в первую очередь прокрутят всех его друзей и знакомых, среди которых есть и довольно неблагополучные ребята. А это... В общем, вы сами знаете, как легко замарать имя человека и как трудно его потом отмыть. И случись что с Димой... Ведь его же сразу поставят на учет в их наркоконтроль.

В словах Чудецкой была доля истины, и Ирина Генриховна не могла не спросить:

– Я могу чем-нибудь помочь?

– Да! Пожалуйста. Именно поэтому я вам и звоню.

– Чем?

– Ну-у, я знаю от Димы, что ваш муж – крупный человек в прокуратуре, так, может, он... по своим каналам...

– Но он сейчас в госпитале, – может быть, излишне резко ответила Ирина Генриховна. – И-и... и я не знаю, сможет ли он сейчас хоть чем-то помочь.

Измученная исчезновением сына, Чудецкая, видимо, надеялась на совершенно иной ответ, она надеялась на помощь, и слышно было, как она хлюпнула носом:

– Простите, я не знала. До свидания.

– И все-таки, – остановила ее Ирина Генриховна, – я попробую переговорить с Александром Борисовичем.

– Но ведь он же...

– Сегодня я буду у него и вечером перезвоню вам по домашнему телефону.

– Может, лучше по мобильнику?

– Хорошо.

Перед тем как покинуть Гнесинку, Ирина Генриховна позвонила матери Димы Чудецкого:

– Что-нибудь прояснилось? В ответ только глухой стон.

– А вы всех его знакомых обзвонили?

– Тех, кого знала и чьи телефоны нашла в его записной книжке. И ребят, и девчонок.

– Так он что, оставил книжку дома? – насторожилась Ирина Генриховна.

– То-то и странно, – уже совершенно сникшим голосом ответила Марина Станиславовна. – Обычно он ее с собой таскает, вместе с мобильником, а тут... мобильного нет, а записная книжка и кейс с учебниками дома.

Это уже было более чем странно, и все-таки Ирина Генриховна попыталась успокоить мать ученика как могла:

– Постарайтесь успокоиться, всякое бывает. Я сейчас еду к мужу, он обязательно постарается вам помочь.

Хлюпанье носом и невнятно-тихое:

– Спасибо вам. Буду очень благодарна.

Несмотря на боль, которая то приглушалась, то вспыхивала вдруг с новой силой – давала знать о себе задетая пулей кость, Турецкий пребывал в прекрасном расположении духа, по крайней мере именно так показалось его жене, когда она переступила порожек палаты, и Ирина Генриховна не могла сдержаться:

– Прекрасно выглядишь, муженек.

– Так я же чувствовал, что ты придешь, – расцвел в улыбке Турецкий и, слегка приподнявшись на локте, поцеловал ее в подставленную щеку. – А гусар, как сама понимаешь, он и в лежачем положении гусар.

– Это чего ж ты хочешь этим сказать? – хмыкнула Ирина Генриховна.

– Да уж расценивай как знаешь. И засмеялись оба, счастливые.

– Слушай, Шурик, а откуда вдруг у тебя такой телевизор? – удивилась Ирина Генриховна, кивнув на «Самсунг» довольно приличных размеров, который стоял на месте едва ли не портативного «Сокола».

– Грязнов привез. Сказал, чтобы глаза не портил.

– Денис?

– Да нет, Славка.

Явно удовлетворенная ответом, Ирина Генриховна присела на стул в изголовье, поставила на колени впечатляющий, битком набитый целлофановый пакет.

– Слушай, Шурик, я тут тебе кое-что принесла...

– Ирка... – взмолился Турецкий, – ну я же тебя просил. Мне уже складывать жратву некуда, медсестрам раздаю. Ты каждый день носишь, Грязновы с Меркуловым чуть ли не целый холодильник всякой всячины наташили. Что ты, на откорм меня поставила? Я ж ведь этак могу и в ожиревшего импотента превратиться.

– Ну до импотента тебе еще далеко, – успокоила Турецкого Ирина Генриховна, – хотя и жалко, что далеко. Будь ты импотентом, я бы тебя еще больше любила. А что касается домаш-

него бульона из петелинской курочки, да опять же домашних пельменей, от которых ты аж трясешься, то, думаю, они не помешают.

– Так оно бы... к пельмешкам...

– Перебьешься. К тому же, насколько я знаю Грязновых с Меркуловым, вы уже успели и телевизор этот обмыть, и за твое выздоровление выпить.

– Иришка... – устыдил жену Турецкий, принюхиваясь к запаху наваристого, еще горячего бульона, термос с которым уже громоздился на тумбочке. – Конечно, коньячку армянского по пять граммук выпили, но только в пределах допустимой нормы.

– А кто вашу норму мерил?

– Ирка, прекрати! И давай-ка лучше рассказывай, как там наша Нинель. Всего лишь три дня, как не видел, а уже кажется, что целая вечность пронеслась.

– С дочерью, слава богу, все в порядке, а вот... И Ирина Генриховна вкратце пересказала все то, что слышала от матери Чудецкого. Замолчала было, покосившись на мужа, однако не удержалась, добавила:

– Боюсь я за него, Шурик. Очень боюсь. Парень-то хороший, да и как музыкант... В общем, боюсь.

– Так ведь взрослый уже парень, пора бы и своим умом жить.

Она полоснула по лицу мужа пристальным взглядом и негромко произнесла:

– Насколько я знаю, лично ты начинаешь трястись относительно дочери уже после девяти вечера.

– Так ведь она еще несовершеннолетняя, – парировал Турецкий. – К тому же девочка.

– А он мальчик! К тому же музыкант. И в эти годы у них особенно сильно проявляется тяга ко всякого рода музыкальным тусовкам. А там... сам знаешь...

– Травка и легкий кайф?

– Не ерничай.

– Даже так? – удивился Турецкий. – Так ведь ты же сама пыталась оправдать как-то ту поппу, которая сидит на колесах или не может выйти на сцену без понюшки белого порошка.

– Ну, видишь ли, – стушевалась Ирина Генриховна, – ты одно с другим не путай. А если не хочешь помочь...

– Ты того, не кипятись особо, – тронул ее за колено Турецкий. – Чем можем, поможем.

Она погладила его по руке:

– Спасибо.

– Спасибом не отделаешься. И пока что я еще не импотент...

– Дурачок.

– А вот за «дурачка» еще один штрафной балл, хотя... – И засмеялся радостно: – Меня, пожалуй, и на одного не хватит.

– О господи! – взмолилась Ирина Генриховна. – Кто о чем, а вшивый все про баню.

– Кстати о бане. А этот твой Дима не мог забуриться к какой-нибудь местной красавице?

– Исключено. Он бы обязательно перезвонил матери. К тому же он никогда до этого мои занятия не пропускал.

– М-да, пожалуй, это действительно серьезно, – пробормотал Турецкий. – Кстати, это та самая мама, что держит салон красоты на Арбате?

Ирина Генриховна утвердительно кивнула.

– Помоги, Шурик!

Оставшись в палате один на один с телевизором, который, по твердому убеждению бывшего начальника Московского уголовного розыска Вячеслава Ивановича Грязнова, должен был скрасить вынужденное одиночество Турецкого, Александр Борисович поправил постынно сползающее одеяло и откинулся спиной на подушку, мысленно переключившись на столь странное и пока что необъяснимое исчезновение единственного сына Марины Чудецкой, кото-

рую он знал не только со слов Ирины, но еще и потому, что услугами ее салона пользовались жены и любовницы столичного бомонда. Впрочем, объяснение могло лежать и в самой примитивной плоскости: в силу каких-то личных причин великовозрастный сынуля Чудецкой не пошел на занятия в Гнесинку, а завалился к какой-нибудь новенькой подружке, которая уже давно подсела на тот же героин, укололся «ради приличия» и... пошло-поехало. И бог его знает, сколько времени пройдет, пока этот будущий гений не выползет из героиновой закваски и сможет добраться до дома. О телефонном звонке матери, который сразу же снял бы все проблемы, не могло быть и речи. Судя по тому, что рассказала Ирина, взаимоотношения между матерью и сыном были хоть и вполне современные, можно сказать даже либеральные, однако сынок продолжал побаиваться свою мать, а это значило, что он никогда не признается ей, что настолько завис у кого-то, что даже на ее мобилу прозвониться не смог. И оно конечно, было бы неплохо выждать еще денек-другой, пока с повинной головой в доме не появится сынок Марины Чудецкой, но... Коли пообещал, значит, надо выполнять. К тому же не очень-то хотелось выглядеть в глазах собственной жены циничным болтуном и пустомелей. И без того грехов накопилось выше крыши.

При одной только мысли об этом Турецкий сразу же заскучал и потянулся рукой к лежавшему на тумбочке мобильнику. Начало седьмого, а это значит, что в офисе частной охранной структуры «Глория», в процветание которой вкладывали свои души отличные мужики, профессионалы своего дела, занимавшиеся не только проблемами охраны тех же VIP-персон, но и охраной в более широком смысле: секретов крупных фирм, семейных тайн известных на всю страну политиков и бизнесменов и прочего, прочего и прочего, что требовало не только профессиональных знаний, но и сысского таланта, – сейчас полный сбор. Идет обмен информацией, а Денис Грязнов, племянник Грязнова-старшего, расписывает очередные указания для своих сотрудников на следующий день. В общем-то самое время, чтобы озадачить шефа «Глории» еще одним заданием.

Трубку городского телефона взял Денис.

– Привет, Дениска! Турецкий соизволил побеспокоить. Как вы там, не скучаете без работы?

– Дядь Сань! – явно обрадовавшись звонку Турецкого, нарочито громко возмутился Грязнов. – Вы же знаете, что у нас как в той песне про комсомольцев, ни минуты покоя. – И тут же настороженно: – А что, есть заява?

– Да вроде того, – не очень-то уверенно произнес Турецкий. – Короче говоря, слушай сюда...

И он вкратце рассказал про исчезновение сына Марины Чудецкой, подкрасив свой рассказ безумством несчастной матери, которая уже похоронила свое чадо в московских трущобах, и, когда вроде бы выдал всю информацию, которую получил от Ирины, добавил, откашлявшись:

– И вот что еще, пожалуй, самое главное. Парень этот, Дима, уже подсел на легкую наркоту...

– Травка?

– Она самая, соломка. Но как мне кажется, в своем кругу он и от порошка не отказывается. Так что с этого, думаю, и стоит начать.

– Хорошо, дядь Саня, не волнуйтесь. Все будет по высшему разряду.

– Спасибо. Кого думаешь послать?

– Голованова. А то он уже опух от шахмат. Скоро компьютер будет обыгрывать.

Турецкий невольно хмыкнул, представив на миг довольно высокого Голованова, у которого еще осталась выправка и стать офицера-спецназовца Главного разведуправления Министерства обороны и который даже с глубочайшего похмелья смотрелся как советский плакат-агитка, призывающий граждан Страны Советов к здоровому образу жизни. И мысленно

поблагодарил Грязнова за эту кандидатуру. Майор запаса Всеволод Михайлович Голованов являлся мозговым центром «Глории», и, когда надо было «прокачать» какое-нибудь запутанное дело, Денис говорил: «Все свободны. Голованову остаться!»

– В таком случае привет ребятам, – заканчивая разговор, произнес Турецкий. – Жду звонка.

– Сан Борисыч! – заторопился Грязнов. – Вы-то сами как там?

– Да вроде бы нормально, дело идет к выписке.

– Говорите, что привезти. Мы тут не сегодня завтра собираемся к вам.

– Умоляю, только не еду! – взмолился Турецкий.

– А как насчет всего остального?

– Ежели только коньячку армянского. Чтобы запаха потом не было.

Глава третья

Судя по недоуменно-вопросительной маске, которая застыла на лице хозяйки огромной квартиры в сталинской высотке, когда она открыла дверь Голованову, Марина Станиславовна готовилась встретить молодого оперка, который не пришелся ко двору в МУРе, а перед ней стоял интеллигентного вида блондин, сорока – сорока пяти лет от роду, которого никак нельзя было заподозрить в частном сыске.

– Простите, вы...

– Да, Всеволод Михайлович Голованов. Я звонил вам.

До хозяйки квартиры, видимо, стало доходить, что сыщик по жизни – это вовсе не киношный раздолбай, и она снова открыла рот:

– Вы по поводу Димы?

Голованов позволил себе улыбнуться:

– Судя по всему, да. Если, конечно, он еще не объявился.

– Если бы... – дрогнули плечи Чудецкой, и на ее глазах навернулись слезы. – Я уж и надеяться перестала.

– А вот это зря, – успокоил ее Голованов и ненавязчиво произнес: – Может быть, в комнату пройдем? А то... на пороге... неудобно как-то.

– Да-да, конечно. Простите, ради бога, – засуетилась Марина Станиславовна, пропуская гостя в огромный, судя по всему недавнего евроремота зал. Схватила со спинки кресла женский халат, но, видимо не зная, куда его засунуть, продолжала вертеть в руках. – Коньяк? Чай? Или, может, виски с содовой?

Не привыкший к подобному радушию со стороны хозяев элитных квартир, Голованов несколько смутился и даже позволил себе откашляться в кулак, что случилось с ним довольно редко.

– Да вы не беспокойтесь, пожалуйста. Поначалу я хотел бы осмотреть комнату вашего сына, ну а потом уже... Потом можно будет и за столом посидеть. Тем более что у меня будет целый ряд вопросов относительно вашего Димы.

– Да. Да-да! Конечно, – вновь засуетилась хозяйка дома. – Разуваться не надо, нет. Проходите, пожалуйста.

Проводив гостя в комнату сына и разрешив ему порыться в ящичках его стола, а также в бельево шкафу, она еще какое-то время постояла на порожке, скорбно поджав губы, и ушла в кухню. Перед тем как оставить Голованова одного, спросила:

– Вы, наверное, голодны? Сейчас уже вечер... Может, приготовить чего-нибудь?

Интеллигентный Голованов благодарно улыбнулся:

– Ну-у, ежели, конечно, это вас не затруднит...

– Господи, да о чем речь! Я хоть на минутку-другую отвлекусь. Знаете, этак ведь и с ума можно сойти. Мысли такие в голову лезут, что...

И она безнадежно махнула рукой.

Марина Станиславовна Чудецкая имела все основания опасаться за дальнейшую судьбу сына. Выдвинув ящички письменного стола, Голованов без труда обнаружил небольшой, довольно примитивный тайничок, в котором лежала коробочка с планом. Поискал еще немного – и на задней панели зеркального шкафа-купе обнаружил еще один столь же примитивный тайничок.

Опий.

Теперь уже не оставалось сомнений, что исчезновение Дмитрия Чудецкого каким-то образом завязано на наркоте. Или же связано с наркотиками, что в общем-то не одно и то же.

Вернув зачку для курева и порошок на прежнее место, Голованов еще раз беглым взглядом прошелся по комнате, стены которой были украшены увеличенными фотографиями неизвестных ему пианистов, схваченных мастерами фотографии в моменты наивысшего творческого экстаза. Закрытые глаза, высоко вскинутые или же почти упавшие на клавиши головы и руки... Пальцы рук, из-под которых вырывались застывшие на фотографиях звуки.

И только на одной стене, как бы возвышаясь над остальными исполнителями, висели две фотографии в рамках, от которых Голованов не мог оторвать восхищенного взгляда.

Ван Клайберн и Эмиль Гилельс. Два великих пианиста, покоривших своей игрой мир. Фотографии висели друг против друга, и ощущение было такое, что эти два гения, до чертиков уставшие от мировых турне, выступлений в лучших концертных залах и конкурсах на звание «лучший», просто наслаждаются своей игрой, чтобы уже в следующую секунду с силой бросить свои пальцы на клавиши концертного рояля.

Засмотревшись на фотографии, Голованов даже не заметил, как в дверном проеме застыла мать Чудецкого, и только ее голос, тихий и как бы ушибленный, заставил его оторваться от фотографий.

– Нравится?

– Не то слово.

– Тот, что справа, – Клайберн, американский пианист. А второй...

– Я знаю. Гилельс.

– В лицо знаете Эмиля Гилельса? – не смогла удержаться Чудецкая.

– А почему бы и нет? – не менее ее удивился Голованов. – Мне как-то случилось на его концерте побывать, перед Афганом. Ну а когда вернулся... Жалко, что второй раз вживую не услышал. К этому времени Эмиль Григорьевич уже умер.

Видимо, ничего подобного Чудецкая никогда не слышала от своих арбатских клиентов, которые тоже порой не брезговали «высоким искусством», и теперь пожирала сыщика глазами. Эмиль Григорьевич... случилось побывать на концерте... и в то же время Афган... Так, может, он вовсе и не сыщик?

«Сыщик-сыщик», – хотел успокоить ее Голованов, однако вслух произнес негромко:

– Может, на кухню пройдем? Или в комнату. Чтобы поговорить. Ирина Генриховна сказала, будто ваш Дима записную книжку дома оставил?

– Да, конечно, – наконец-то пришла в себя хозяйка дома. – И если вы здесь уже закончили... – она обвела рукой комнату сына, – то прошу на кухню.

И добавила, словно оправдываясь:

– Знаете, люблю свою кухню. Там... там уютнее как-то. Особенно в эти дни.

Когда Голованов прошел на кухню, где уже был накрыт стол, он не мог не согласиться с признанием хозяйки дома, что она любит свою кухню. Ее было нельзя не полюбить. И если вся квартира была отремонтирована под впечатляющий, но совершенно безликий «евростандарт», в общем-то чуждый истинному москвичу, то этот уголок квартиры утопал в теплых полутонах карельской березы и даже кайзеровская плита гармонировала с общим настроением кухни.

– Нравится? – совсем уж вроде бы как не по теме спросила Чудецкая, заметив восхищенный взгляд гостя.

– Очень.

– Мне тоже нравится. Хотя, должна вам признаться, пришлось и с сыном повоевать, когда здесь ремонт шел. Хотя сейчас на любой бы «евро» согласилась, лишь бы он рядом был.

И снова на ее глазах навернулись слезы.

– Марина Станиславовна... – укоризненно протянул Голованов, – мы же с вами договорились. Все будет хорошо. Уверю вас.

Она хлопнула носом, и на ее лице впервые за все время отразилась скорбная улыбка.

– Вашими бы устами...

Прошла к бару, вмонтированному в резной навесной шкафчик, открыла дверцу:

– Коньяк, виски?

Привыкший за годы службы в спецназе ко всему, что горело и тлело, Голованов не отказался бы сейчас и от стакана водки, однако надо было держать марку фирмы, и он произнес скромно:

– На ваш выбор.

– Я... я бы лично остановилась на коньячке.

– Поддерживаю, – улыбнулся он и тут же предложил свои услуги: – Может, чем-нибудь помочь?

– Боже упаси! – довольно изящно всплеснула руками Чудецкая. – Кухня – это женская прерогатива.

Голованов непроизвольно хмыкнул – эти бы слова да всем женам в уста. И еще он невольно обратил внимание на то, что, с того момента как он переступил порог этой квартиры, хозяйка дома стала понемногу оттаивать – уже не хлюпала постоянно носом, да и на лице ее стали разглаживаться скорбные складки. И это было хорошо, по крайней мере для него лично. С ней уже можно было начинать работать.

Он расспрашивал ее про сына, про его учебу в Гнесинке, про друзей, а возможно, что и поклонниц его таланта пианиста. Подогретая французским коньяком, она довольно охотно рассказывала что знала, и только когда Голованов спросил, есть ли у Димы постоянная девушка, Марина Станиславовна пожала плечами.

– Не знаю. Честное слово, не знаю. Да и разговора насчет этого как-то не заводил. Учеба, музыка и концерты – об этом Дима рассказывал охотно, а вот насчет любви и постоянной девушки...

Видимо впервые за все время, она задумалась о довольно странном поведении девятнадцатилетнего парня, который ни разу не заикнулся матери о том, что влюблен в кого-то, и вновь пожала плечами.

– Ну, может быть, имя какое-нибудь чаще всего упоминал, разговаривая по телефону?

На этот раз она только хмыкнула в ответ, покосившись на мобильник: он все это время лежал на столе, и она время от времени смотрела на него, вздыхая.

А ведь действительно, подумал Голованов, это раньше, когда в квартире стоял один аппарат на всю семью, матери знали все секреты своих детей. А по нынешним временам, когда у каждого сосунка по две мобилы в карманах...

– М-да, об этом я как-то не подумал, – согласился с Чудецкой Голованов и потянулся за бутылкой: – Вы позволите?

– Я думала, что вы сами догадаетесь. То состояние тревожного ожидания, которое держало ее все это время, видимо, понемногу отпускало, и теперь она могла позволить себе даже немного пококетничать. И это тоже было неплохо.

Пригубив глоток терпкого коньяка и проводив глазами опустевший бокал хозяйки дома, который она поставила на стол, Голованов произнес негромко:

– Марина Станиславовна, вы обещали мне записную книжку Димы. Может, пролистаем ее?

– Да, конечно, – спохватилась Чудецкая. – Простите, совершенно выпало из головы.

Она принесла из комнаты довольно-таки объемистую записную книжку сына, положила перед гостем:

– Вот. Перелистав разбухшие от записей страницы, переполненные телефонами, именами и, видимо, просто кличками, Голованов спросил:

– У вас есть ксерокс?

– Естественно. А что?

– Вы позволите отксерить эти странички?

– Ну-у... если это не навредит Димке...

– Я здесь, чтобы помочь ему. – В голосе Голованова прозвучали металлические нотки.

– Да, конечно. Простите. О чем это я! Ксерокс в Димкиной комнате.

...Вернув хозяйке дома записную книжку сына, Голованов хотел уж было распрощаться, как вдруг глаза Чудецкой вновь наполнились слезами и в них было что-то такое, отчего опытному спецназовцу даже стало немного зябко.

– Что с вами, Марина Станиславовна? Она какое-то время молчала, потом вдруг закрыла лицо руками, и ее плечи дрогнули от плача.

– Марина... Марина Станиславовна...

– Вы... вы уже уходите?

– Ну-у в общем-то да. Вроде бы все обговорено, и теперь...

Она кивнула и, не отрывая ладоней от лица, каким-то глухим голосом произнесла:

– Вас... вас очень ждут дома?

– Да как вам сказать...

– В таком случае... может, останетесь у меня? – дрожащим от волнения шепотом попросила Чудецкая. – Я... я боюсь, что не переживу одна эту ночь.

И прижалась к Голованову мягкой, податливой грудью.

– Останься, если можешь.

Проснулся Голованов от осторожного, почти ласкающего движения пальчиком по обнаженной спине, да еще, пожалуй, от похмельной сухости во рту. Вспомнил все, что было ночью, и негромко произнес:

– Маришка?

– Да, милый.

– Не спишь? Она не ответила и уже в свою очередь спросила:

– Эти рубцы... раны?

– Вроде того, – отозвался он, переворачиваясь на спину. Обхватил руками ее белое, податливое тело, прижал к себе: – Не обращай внимания.

Она, казалось, не слышала его.

– Жалко, что так поздно встретила тебя.

«Началось, – хмыкнул Голованов, одновременно думая о том, что, видимо, опять придется „плести лапти“, оправдываясь перед женой. Оперативная разработка, которая закончилась ночной врезкой, и прочая ахинея, которым уже давно не верили жены. – Ну да ладно, отобьемся», – подумал он, целуя Марину в аккуратный, светло-коричневый сосок.

– Жалко, – повторила она, сдвигая руку вниз и прижимаясь к нему всем своим жарким телом. – Ты бы обязательно женился на мне.

– Так ведь, как сказал дедушка Ленин, все еще впереди, – хмыкнул Голованов.

– Не обнадеживай, – посерьезнела лицом Марина. – Я ведь действительно поверить могу.

Он засмеялся и, слегка отстранив от себя уже поплывшую Марину, посмотрел на часы:

– Все, графиня, подъем. Чего не успели, dokonчим потом. Мой босс не любит, когда опаздывают на оперативку.

– А если позвонить ему? – взмолилась Марина. Однако Голованов уже натягивал брюки.

– Маришка, лапочка, труба зовет. Мне же копытить сегодня придется. А прежде чем начать копытить, надо будет каждую детальку обсосать с Грязновым. Так что... крепкий кофе с капелькой коньяку – и в бой.

Перед тем как распрощаться с Мариной, Голованов прошел в комнату ее сына, прислушался к шуму воды из ванной комнаты и, только убедившись, что Марина все еще принимает освежающий душ, изъясил из тайничков таблетки экстази и травку.

– Так-то оно лучше будет, – пробормотал он, пряча наркоту в карман.

После чего вернулся на кухню, куда тут же вплыла раскрасневшаяся Марина.

– Ну чего сидишь? Хозяйствуй! – скомандовала она, обнимая Голованова за шею.

– Могём и это, – хмыкнул он, целуя женщину в нарочито приоткрытую грудь. И удивился невольно ее перемене. Вроде бы еще вчера вечером, когда она открыла ему дверь, это была убитая горем, сникшая от тревожной неизвестности мать, обзвонившая до этого все морги и больницы города, а уже ночью...

Все это было непонятно и в то же время более чем понятно. Маленькие дети – маленькие заботы, большие дети – это уже не просто большие заботы, но постоянная тревога за детей. Она устала тащить на себе этот воз, и, когда вдруг почувствовала, что кто-то более сильный может принять на себя часть этой ноши, она тут же воспряла духом.

Господи милостивый, как же мало человеку надо!

Предупредив Грязнова, что, видимо, немного задержится, и попросив его тормознуть Агеева, Голованов приехал в офис «Глории», когда уже все были в разъезде и только Филипп Агеев давил кресло, разгадывая кроссворд. Повернувшись на скрипнувшую дверь, он явно обрадовался своему другу и напарнику и тут же задействовал его:

– Наконец-то! Явились не запылились. Сказочник, сосватавший Золушку за принца? Убей бог, не помню.

– Перро. Шарль Перро.

Невысокий и худощавый Филипп что-то забормотал, уткнувшись глазами в кроссворд, аккуратно вписал в клеточки подошедшее слово, поднял на Голованова глаза и то ли восхищенно, то ли язвительно-иронично поджал губы:

– Вот чему постоянно удивляюсь, Севка, так это твоим мозгам. Ведь надо же до такого додуматься! Шарль Перро... Сказочник, сосватавший Золушку за принца.

– Так надо было книжки не на самокрутки пускать, а хотя бы сначала читать их, – хмыкнул Голованов.

– Это что, в детстве, что ли?

– Естественно.

– Скажешь тоже, читать... – беззлобно отозвался Агеев, поднимаясь из кресла. – Грязнов сказал, чтобы я тебя дождался. С чего бы вдруг?

– Сейчас расскажу. Придется, видимо, на пару поработать.

Глава четвертая

Тщательный анализ записной книжки сына Марины Чудецкой, на что у Голованова с Агеевым ушло едва ли не три часа, позволил вычлениить три группы друзей и знакомых Чудецкого, которые представлялись наиболее перспективными для работы. Первая группа – тусовка или группа наибольшего риска, в которую вошли владельцы мобильных телефонов, которых можно было бы заподозрить в употреблении, а возможно, и в сбыте наркоты. Вторая группа – имена и фамилии девчонок, которым, видимо, время от времени названивал Дима и которые могли пролить свет на его исчезновение. И третья группа, самая многочисленная, на которую и делал главную ставку Голованов. Номера телефонов, имена, фамилии, а то и просто клички, завершавшие исписанные странички записной книжки. Логика, которой руководствовался Голованов, была столь же проста, как оперативная проработка душманов, засевших за глинобитными стенами горного аула.

Как уверяла Марина Чудецкая, а Голованов не имел оснований не доверять ее рассказу, до этого случая Дима никогда не пропадал из дома, а если и уезжал порой к друзьям на дачу, то предупреждал об этом заранее. И если он вдруг исчез неизвестно куда, а сам по себе он не мог испариться, то причастными к этому исчезновению могут быть его новые знакомые, судя по всему тусовочные, с которыми он сошелся в самое последнее время.

– Вот так всегда, – пробормотал Агеев, когда Голованов вручил ему распечатку с номерами телефонов, по которым надо было обзвонить их хозяев и очень мягко и ненавязчиво поинтересоваться судьбой Чудецкого. – Кому-то вершки, а кому-то сплошные корешки.

И замолчал, рассматривая довольно внушительный список с женскими именами.

– Филя! – усовестил друга и бывшего сослуживца Голованов. – Тебе доверено поработать с лучшей половинкой человечества – женщинами. Причем довольно молоденькими. И ты... неблагодарный, вместо того чтобы сказать мне спасибо...

Явно оскорбленный в своих лучших чувствах, он отрешенно махнул рукой и потянулся за лежавшим на журнальном столике мобильником. Ему самому предстояло проработать третий список, распечатка которого едва уместилась на трех листах мелованной бумаги. Однако, прежде чем начать обзванивать по списку, набрал номер сотового телефона Марины Чудецкой.

Когда услышал ее голос, произнес негромко:

– Здравствуй, это я.

– Здравствуй, милый.

– Как ты себя чувствуешь?

– Да как тебе сказать... И хорошо, и плохо.

– Дима не звонил?

Она только вздохнула в ответ. Скорбно и тяжело.

– Значит, так... – уже более властно произнес Голованов. – Никаких самостоятельных телодвижений, и, если вдруг кто-то весьма настойчиво будет его спрашивать, тут же звони мне.

– Хорошо, спасибо тебе. И еще... Тебя сегодня ждать?

И замолчала в нервном ожидании ответа.

– Я позвоню тебе. Ближе к вечеру.

Отключившись, Голованов почесал мобильником кончик носа, покосился на Агеева, который собирался, кажется, заваривать чай, и, мысленно обматерив себя, любимого, набрал телефон жены...

Судя по тому предчувствию, которое не покидало его все утро, предстояло объяснение, которое могло закончиться серьезной разборкой.

Совершенно невзрачный внешне Филипп Агеев, к которому женщины почему-то липли как мухи на паскудно красный и столь же паскудно вонючий «портвейн», оставшийся на

донышке граненого стакана, остался верен своему счастью профессионала спецназовца. Руководствуясь собственным наитием и прозванивая подружек Димы Чудецкого не строго по списку – сверху вниз, а выборочно, он сделал охотничью стойку уже на шестом звонке и его голос, в привычной ситуации немного грубоватый, приобрел вдруг целую гамму дополнительных расцветок.

– Вика? Привет, красавица! Жека тревожит.

– Кто-о-о? – видимо напрягая мозги, чтобы припомнить «Жеку», протянула Вика.

– Жека! Ты чего не врубаешься? Нас Димка как-то знакомил. Чудецкий.

– Пианист, что ли?

Моментально сообразив, что в своей тусовке студент Гнесинки действительно может иметь подобное погоняло, кстати довольно приличное, если, конечно, его сравнивать с вором в законе по кличке Жопа, Агеев утвердительно кивнул.

– Он самый, Пианист.

– Ну и чего? – не очень-то ласково отозвалась Вика, у которой, судя по всему, что-то не заладилось со студентом Гнесинки.

– Да в общем-то ничего, – входя в роль, пожал плечами Агеев. – Просто нужен позарезу, а я его второй день найти не могу.

– Ну а я-то при чем? – довольно неприветливо отозвалась Вика, и в этих словах невозможно было не заметить злобных и одновременно обиженных ноток.

– Так вы же вроде бы как...

– Было, да быльем поросло! После того как он слинял к этой сучке, к Нинке Старковой... Короче говоря, пошел бы он на хрен! Так ему можешь и передать.

– Вика! – взмолился Агеев. – Ты же его лучше других знаешь. Да и с Нинкой у него ничего не склеилось.

– Ну и с кем он сейчас? – насторожилась Вика.

– Да вроде бы ни с кем, – вновь пожал плечами Агеев. – Сейчас концерты пошли, так он...

– Какие, на хер, концерты! – взвился в мобильнике девичий голос. – Чего ты мне лапшу на уши вешаешь! «Концерты»... Тоже мне композитор хренов!..

Ее, казалось, невозможно было остановить.

– Думаешь, не знаю, каким он иной раз домой приезжает? Композитор...

– Неужто обкуренный? – «удивился» Агеев.

– Нет, переигравшийся на концертах, – с язвинкой в голосе процедила Вика. – Короче, ищи его где хочешь, только не у меня.

– Вика! – взмолился Агеев. – Он мне позарез нужен, у меня концерт без него горит. А ты ведь всю его тусовку знаешь. Помоги! В долгу не останусь.

Какую-то минуту она раздумывала, видимо решая, стоит ли идти навстречу другу «козла», который поменял ее на какую-то Нинку Старкову, наконец сменила-таки гнев на милость:

– Ладно, хрен с тобой. Попробуй прозвониться Ослику. Но если и он не знает, где твой Пианист, тогда уж не знаю, как и быть.

– А с чего бы этот самый Ослик знал, где он может сейчас быть? Вроде бы как мой друг никогда «голубизной» не увлекался.

– Ну ты даешь, Жека! – заржала, словно молодая лошадь, Вика. – Ослик – это вовсе не педик, это... Впрочем, пошел бы ты... – И отключилась.

– И на том, голубушка, спасибо, – пробормотал Агеев, припоминая, что уже видел в записной книжке Чудецкого и Нину Старкову, помянутую недобрым словом, и Ослика.

Хотелось бы только знать, с чего бы это вдруг Ослик знал об исчезнувшем сыне Чудецкой больше, нежели знала она сама.

Набирая номер телефона Нины Старковой, он уже поопасался назваться Жекой и выбрал, как ему показалось, наиболее подходящую для подобного случая легенду.

– Нина? Здравствуйте. Вас беспокоит друг мамы Димы Чудецкого. Уже третий день, как Дима исчез из дома, и она просила меня обзвонить всех его знакомых, чтобы...

– Господи, что с ним? Я уж и сама не знаю, что думать! Договаривались в субботу, что позвонит мне в понедельник, а он...

Послышался негромкий всхлип, отчего Агеев даже растерялся немного. По себе знал, что подобная реакция случается с девочками, которые вдруг узнают, что контактный секс – это не только сказочное удовольствие, подобное вкусу апельсина из Марокко, но еще, оказывается, и беременность, в результате чего рождаются дети. И если здесь пошел тот же самый вариант... М-да, хреновато сейчас Ниночке Старковой, которая приняла в свое лоно влюбчивого Пианиста. Хреново.

– Может, у кого-нибудь из друзей застрял? – осторожно спросил Агеев. – У него же друзей... – хотел было сказать «как блох у дворняги», да вовремя одумался: – По крайней мере, его мама так говорит.

– Нет, не мог, – всхлипнула носом Нина. – Он бы мне обязательно позвонил.

– А Ослик... или как его там?... – осторожно, только чтобы не спугнуть девушку, спросил Агеев. – Он не может знать, где сейчас Дима?

– Не напоминайте мне о нем! – вдруг взвилась Нина. – Этот... этот наркоман – и Дима... У них... у них ничего общего!

– Да, конечно, – поспешил ретироваться Агеев, однако тут же задал еще один вопрос: – А вы что, знаете этого Ослика?

– Не знала и знать не хочу!

– Так в чем же дело?

– Зато слышана о нем много. Она явно не хотела разговаривать на эту тему, впрочем, Агеев и не настаивал. Даже из того, что он услышал и что проскользнуло в словах обиженной насмерть Вики, можно было догадаться, что конкретно связывает Пианиста и Ослика.

– Хорошо, Нина, не будем об этом. Однако убедительная к вам просьба: вдруг проклюнется Дима, тут же позвоните его маме. У вас есть ее телефон?

– Домашний.

– Этого, думаю, достаточно.

– Но и вы тоже, – заспешила она. – Если вдруг Дима...

– Непременно-обязательно.

Глубоко вздохнув и со свистом выдохнув воздух, Агеев, будто он только что разгрузил бортовую машину с мукой, шевельнул плечами, по привычке почесал мобильником кончик носа, после чего поднялся из кресла и прошел в дальний кабинет офиса, где также пытался дозвониться до своих клиентов Голованов.

– Ну что, есть что-нибудь? – поинтересовался Агеев, дождавшись, пока Голованов закончит очередной разговор.

– Глухо. Никто ничего. А у тебя?

– Вроде бы что-то наклюнулось. – И он вкратце пересказал свой разговор с подружками Чудецкого.

– Любопытно. Даже очень, – задумчиво протянул Голованов, с уважением покосившись на друга. – И как ты думаешь, что мы с этого имеем?

– Чего имеем, спрашиваешь? – хмыкнул Агеев. – Да то имеем, что мы вышли на пушера,¹ который снабжал нашего мальчика наркотой. Если, конечно, нюх мне не изменяет.

---

¹ Пушер – мелкорозничный оптовик (сленг).

– Похоже, – согласился Голованов. – А дабы у нас с тобой не было сомнений... Врубашься?

– Яснее некуда. Следующий телефонный звонок, который сделал Агеев, был Стакану, телефон которого был так же аккуратно записан в грессбух Чудецкого. Голованов сидел напротив.

– Стакан? – немного грубовато и в то же время с заискивающей интонацией в голосе уточнил Агеев, когда его мобильник откликнулся хамовато-барственным баском: «На проводе. Говори».

– Кому Стакан, а кому и Виктор Палыч.

– В таком случае извиняй. Но именно так...

– Ладно каяться, – буркнул в трубку Стакан, пребывающий, судя по всему, в прекрасном расположении духа. – Чего хороших людей тревожишь?

«Ах ты ж гаденыш! – не мог не восхититься его самомнением Агеев. – Хороший человек, мать твою...» Однако надо было завершать отработку роли, и он все с той же интонацией заискивания произнес негромко:

– Слышал, будто темой владеешь, крутой темой,² так вот прикупить бы. – И замолчал, настороженно вслушиваясь во мхатовскую паузу, которой могла бы позавидовать добрая половина заслуженных артистов театра и кино.

– Ты, дядя, того... ни с кем меня не спутал? – наконец-то разорвал паузу Стакан. – Тема... темой те владеют, кто на рынке за прилавком стоит. А я, дядя, на том рынке только мясо покупаю.

– Знаю, – с непомерной грустью в голосе отозвался Агеев. – И рынок тот знаю, да доверия к нему больше нету.

– Чего так? – явно заинтересовался Стакан.

– А то ты сам не знаешь. Бессовестный народ на базаре пошел, беспонтовку³ вместо настоящей литературы частенько вкатывают. Соберешься в свободную минуту хорошую книжку⁴ почитать, а тут тебе, голубку дерганому...

– Что, бывало? – хмыкнул Стакан.

– Иначе бы тебе не звонил. На прошлой неделе прикупил у человечка на рынке мацанки,⁵ собрался уж было губенки раскатать, а оно...

– Что, не торкнуло? – неизвестно чему гоготнул Стакан, весело и радостно.

– Хоть бы зацепило малость. Глушняк.

– Бывает, – сочувственно вздохнул Стакан, видимо сменив подозрение на милость. – Ну а от меня-то, дядя, чего желаешь?

– Я ж тебе говорил: слышал, будто темой крутой владеешь и до беспонтовки не опускаешься.

– М-да, – промычал в трубку Стакан, явно заинтересованный телефонным звонком и в то же время опасющийся милицейской подставы. – Откуда звон пошел?

– Пианист как-то радостью поделился. Он же и телефон этот дал, сказал, что при разговоре с тобой могу на него сослаться.

– А почему я ничего не знаю?

– Ну уж и я не знаю, – пожал плечами Агеев. – Хотя вроде бы и обещался перезвонить тебе.

---

² Крутая тема – трава с повышенным содержанием каннабиолов.

³ Беспонтовка – вещества, не содержащие наркотиков.

⁴ Литература, книжки, трава – каннабис, марихуана, конопля.

⁵ Мацанка – пыльца конопли, обладающая более сильным наркодействием.

– «Обещался»... – пробурчал Стакан, видимо недовольный тем, что Пианистом были нарушены какие-то правила конспирации. И в то же время по его тону чувствовалось, что все его сомнения развеялись и он полностью доверяет рекомендации Пианиста. – Ладно, хрен с тобой, дядя, – наконец-то сменил он гнев на милость. – Кличут-то тебя как?

– Агеем.

– Это что, погоняло или тебе, бедолаге, такое имя всобачили? – хихикнул Стакан.

– Обижаешь, однако.

– Ладно, не гундось. Товару-то много надо?

– Ну-у в общем-то прилично. Так, чтобы лишний раз тебя не тревожить.

– Ладно, сговоримся, – уже окончательно сдался Стакан и тут же спросил: – Знаешь, где меня найти?

– Пианист что-то буровил, но путано.

– Ладно, хрен с ним, с Пианистом, слушай сюда...

Выключив мобильник, Агеев покосился на Голованова.

– Все слышал?

– Естественно.

– Ну и?..

– Поеду с тобой для подстраховки.

– Стоит ли? Спугнуть можем.

– Одного я тебя не отпущу.

Когда ехали в машине, Агеев спросил с ленцой в голосе:

– Кстати, ты хоть знаешь, что такое «стакан» на ихнем собачьем сленге?

– С чего бы вдруг?

– Так вот, стакан и кружка – это отмеренная стаканом стандартная доза конопли, что-то около двухсот пятидесяти граммов. И это погоняло он, видимо, получил еще в те времена, когда только-только начинал приторговывать травкой.

– Растут люди, – согласился с ним Голованов и уже в свою очередь спросил: – Как думаешь, этот козел нары нюхал?

– Вряд ли, – пожал плечами Агеев. – Слишком раскован мужичок в разговоре.

– Так почему же он до сих пор на свободе? Агеев, как на больного, покосился на друга:

– Это ты у меня спрашиваешь?

– Ну! – отозвался Голованов, но, сообразив, видимо, что сморозил чушь, вздохнул обреченно.

Россию захлестывает наркота, президент требует усилить борьбу с наркоторговлей, на это дело из государственного бюджета выделяются огромные деньги, а здесь, в Москве... почти что в центре города... под носом у милиции... мелкооптовый наркоторговец по кличке Стакан... Бог ты мой, Расеюшка!

За годы работы в спецназе Главного разведуправления Министерства обороны России, а затем в МУРе и в «Глории», где приходилось порой рыться в таком дерьме, что рук не отмыть, Филипп Агеев навидался всякого-разного, однако никогда не думал, чтобы в его родной Москве, едва ли не в самом центре города, откуда до Кремля рукой подать... О подобном еще можно было услышать в середине, не к ночи помянутых, девяностых годов, но чтобы сейчас!..

Адрес, по которому его должен был встречать Стакан, находился в квартале от дома, где жил с матерью Чудецкий. Довольно старый, но еще добротный дом, поставленный на капитальный ремонт, но которого еще не касались руки строителей. Высокий деревянный забор, два вагончика с облупившейся краской, притулившихся за периметром забора, и... И привычная картина разрухи, которая всякий раз сопровождает начало хорошего дела, будь то реставрация или капитальный ремонт дома с отселением. Высадив Голованова за сто метров от дома,

на перекрестке, Агеев припарковался неподалеку от огромного лаза, который зиял в заборе словно брешь в крепостной стене, и осторожно, чтобы не угодить ногами в дерьмо, ступил на обетованную землю. Где его, оказывается, уже ждали. Длинный и тощий как глист, какой-то весь дерганный парень непонятно скольких лет, бегающие глазки которого, как, впрочем, и весь его вид, выдавали в нем наркомана со стажем.

– Агей? – выпалил он, воровато глядя в лицо худощавого молодого мужика, который, видимо, мало чем походил на привычную ему тусовку.

– Считай, что угадал. А ты... Стакан?

– Ты что! – замахал тот руками. – «Стакан»... Стакан велел тебя встретить.

– Тогда чего ж мы здесь говно нюхаем? Веди к нему, коли встретить велел.

– А ты точно Агей?

– Чего ж мне, справку из ЖЭКа, что ли, показать?

Длинный дернулся всем своим измочаленным телом, что, видимо, означало приступ смеха, и шагнул к подъезду, на котором еще держались на петлях изуродованные двери.

– Топай за мной.

Поднявшись через люк на чердачное пространство, которое, казалось, жило своей собственной, независимой от всего остального дома жизнью, он приказал Агееву «подождать малек» и скрылся за дощатой перегородкой, из-за которой слышались порой возбужденные голоса. Впрочем, жизнь протекала не только в дальнем конце этого чердака, но и по всему чердачному пространству.

– О боже!.. – пробормотал Агеев и, привалившись спиной к теплему деревянному столу, прислушался к неторопливому разговору совсем еще сопливого паренька с девчужкой, которые, судя по всему, совсем недавно обосновались на этом чердаке и, как видно, приглянулись друг дружке. Не обращая внимания на незнакомого мужика, которого привел Длинный, как окрестил своего провожатого Агеев, они лежали на замызганном тюфяке и как-то очень по-детски обсуждали свои проблемы.

– Я-то с марфы⁶ сразу начал, – как-то очень уж обыденно, словно говорил о ком-то постороннем, произнес паренек. – Корешки брательника посадили, когда из Чечни вернулись, ну и пошло-поехало. У них этой дряни навалом было.

– Давно? – послышался бесцветно-ленивый женский голосок.

– Два года марфы и два винта.⁷ Так что стаж приличный.

– Ага, – уважительно протянула девчонка, – приличный. У меня меньше, да и то нерегулярно.

– В школе первый раз кольнула?

– Не, летом на даче. У нас там компашка толковая, вот и вмазали меня. Лежу на травке на бережке и говорю: в кайф, ребята! В общем, целую неделю мы с ними завивали, а через неделю, когда меня родители нашли... В общем, совершенный скелет, обтянутый кожей. А когда по поселку шла, то ощущение было такое, будто на тебя все смотрят.

– Нет, ты неправ, – неожиданно возразил ей парнишка. – Это чисто винтовая подсадка,⁸ я знаю. Глядишь в зеркало – и тебе действительно кажется, что ты скелет, обтянутый кожей. Да и на улице такое ощущение, что на тебя все глаза. А на самом-то деле никто ничего не видит. Отвинченного может распознать только тот, кто сам шмыгался этим делом. Мои родители не дураки, но и они за все эти годы так ничего и не поняли. Скажем, прихожу я домой под винтом, а они спрашивают: чего это глаза такие красные? А я им говорю: устал очень. И они, дурачки, верили.

---

⁶ Марфа – морфин.

⁷ Винт (первитин) – амфетамин более сильного действия, чем эфедрон.

⁸ Подсадка – наркозависимость.

Агеев услышал нервный, дерганный смех, а потом девчонка продолжила:

– А мне как-то вкололи, и вскочил вдруг фурункул на руке. Я к маме, а она, дурочка: ой, деточка, у тебя, может, аллергия какая! Давай мочалкой потрем. Она трет, а я под винтом, но она ничего не замечает. Трет и приговаривает: не волнуйся, деточка, щас пройдет.

И снова они засмеялись, довольные. А девчонка уже вошла в раж:

– Или вот еще. Прихожу и говорю: мам, есть хочу. Ну она мне супца, конечно, наливает, а я проглочу две-три ложки и понимаю, что все – не могу больше есть. Вот и говорю ей: ма, я щас спать лягу, устала что-то. Падаю на кровать и действительно откалываюсь с открытыми глазами. Сначала чудно, конечно, было, а потом узнала, что люди под винтом откалываются с открытыми глазами. И вот лежу я так с открытыми глазами, а мама мне: ты спишь? Сплю, говорю. А почему с открытыми глазами? Не знаю, говорю. Видать, в школе переутомилась. Ну она, конечно, верит мне, оставляет спать и уходит на работу.

«Идиоты какие-то, а не родители! – матюкнулся про себя Агеев. – Хотя, впрочем... Откуда матери этой соплячки, вкалывающей уборщицей на трех ставках и горбатящейся от зари до зари, знать про какие-то колеса, винты и морфы, если она продолжает примерять подростковые проблемы непутевой, но столь любимой доченьки на свое пионерское детство, когда никто не знал толком, что же это такое на самом деле – наркотик».

А паренек уже перехватил ее раж:

– Ты глюки-то ловила?

– Спрашиваешь!

– Какие?

– Да вроде бы самые разные. Но... в общем, в последнее время поперло то, чего боялась. Когда поняла, что меня менты засекли, а участковый, падла, пасти начал, тут такое началось... То опера с собаками за мной гонятся, то еще что-нибудь похуже. Не поверишь, спать иной раз боюсь.

– Спать боюсь... это еще по-божески, – вздохнул паренек. – А меня крысы преследовать стали. Идешь, а кругом крысы! Что ни шаг, то крыса. А потом, когда под винтом подсел на телегу,⁹ стал, блин, как будто ученый... стал искать эффективный способ борьбы с наркоманией. И веришь, чуть крыша не съехала по этой теме. Так что крысы...

– А я когда проглотила десять колес, то думала, что просто откинусь. Передо мной вот такая спираль стала раскручиваться, и я врубилась: когда она пойдет в другую сторону, то сойдется в одну точку – и я в этот момент просто сдохну.

– Ишь ты! – цокнул языком паренек. – Это уже серьезно. Меня тоже как-то откачивали. Знакомый пришел – ты, говорит, лежишь как мертвый и весь зеленый. Не синий, понимаешь, а зеленый. Говорят, все покойники сначала зеленеют, а потом уже синеют. Ну тот знакомый меня откачал, так что выжил.

Они говорили о чем-то еще и еще, слова уже сливались в какое-то сплошное бормотание, впрочем, Агеев уже не слушал их. Он вдруг с необыкновенной ясностью увидел, в какую страшную пропасть скатывается его родной город, его Москва, где он родился и вырос. Он старался понять, как и в какой момент его город поимел столь серьезную подсадку.

Когда он воевал в Афгане? Или проводил спецоперации в Чечне? Возможно. Однако в одном он был уверен: именно ельцинский указ «О свободе торговли», выплеснувший на улицы не только его родного города, но и всей России толпы людей, которые что-то остервенело перепродавали друг другу, стал той временной отметкой, от которой можно было бы вести условный отсчет начала бурного развития черного лекарственного рынка. Этот же указ стал отличной ширмой для «лекарственных мальчиков», которые стали зачинателями психоторговли. Юркие и трезвые, с объемистыми спортивными сумками, они умудрялись оставаться

---

⁹ Подсесть на телегу – дойти до края.

незаметными среди сомкнутых шеренг продавцов на стадионах, и в то же время делать так, чтобы их легко находили те, кому надо. И никто не покушался на выбранные ими места возле «опознавательных знаков». Один из таких «знаков» – табачный киоск у выхода из метро – находился неподалеку от его родного дома, в котором прошли его детство, юность и уже более зрелые годы. Эти же ухватистые «комсомолята» могли вполне доступно объяснить любому и каждому, как пользоваться тем или иным препаратом, а их речь, еще не набитая жаргоном и сленговыми словечками, выдавала пусть даже незаконченное, но все-таки высшее образование.

Шли годы, и, возвращаясь из многомесячных командировок в Москву, он видел, как меняется структура торговой гвардии на улицах города. Разбогатевшим мальчикам стало западно самим мокнуть под дождем или стучать ботинком о ботинок на морозе, однако свято место пусто не бывает, и добровольные помощники нашлись довольно быстро – ими оказались сами наркоманы. А вскоре и они стали исчезать, теснимые азербайджанской группировкой, освоившей рыночную торговлю анашой и маком. Впоследствии, как рассказывали Агееву, они освоили и торговлю метадонном – сильнодействующим синтетическим наркотиком внутривенного введения.

Господи милостивый, кто бы мог подумать, что Москва позволит себе опуститься в эту трупно смердящую, страшную по своей сути клоаку!

Тяжело вздохнув, Агеев чуть приоткрыл глаза и покосился на притихшую парочку, которую то ли повело, то ли просто развезло в чердачной духотище от полного истощения организма. Эти, поди, хоть и базлают про винт, но сидят, судя по всему, на эфедроне – наркотике, который производят в домашних условиях из эфедрина и теофедрина. Его основное «преимущество» перед другими – низкая стоимость, которая, правда, компенсировалась страшным разрушительным действием, вызывающим опасения даже у самих наркоманов. Эйфория, искаженное восприятие времени и реальности, повышенная возбудимость и сильное сексуальное возбуждение, особенно у женщин. Так что парни воруют где ни попадя что ни попадя, чтобы только поймать к вечеру свою дозу, а у девчонок чуть проще: утром – доза, вечером – минет. И наоборот: вечером – доза, утром – минет.

Правда, после того как азеры заполнили столичные рынки, появилась еще одна дешевая дрянь, так называемый «русский героин». А если проще, то ацелированный опий, который также готовится в домашних условиях путем обработки сухой измельченной маковой соломы растворителем или уксусным ангидридом. Те из наркоманов, кто пробовал это, признавались, что большей и паскудней дряни, чем этот раствор из неотделяемого белого или коричневого героина, за что он и получил за рубежом свое название, еще не придумано. Но что самое страшное в нем, так это жесткая зависимость после первых же приемов.

Задумавшись и размышляя о превратностях судьбы-злодейки, которая подсаживала на иглу и вполне порядочных людей, Агеев знал об этом не понаслышке, он даже не заметил, как из-за дощатой перегородки, словно тень отца Гамлета, выскользнул все тот же Длинный и молча кивнул Агею, чтобы тот шел за ним. Развернулся и словно растворился в чердачных полтонах.

– Мать твою!.. – выругался Агеев и шагнул следом. Рассматривая этот дом снизу, он даже представить себе не мог, что под его крышей скрывается столь огромное чердачное пространство. И еще подумал о том, что, видимо, не зря шайки и компании наркоманов, оккупировавшие подобные чердаки, называли их «городом». Это действительно был город в городе, со своими порядками, со своим уставом и законом.

Пробираясь лабиринтом полуразрушенных вентиляционных труб и каких-то стоек, спотыкаясь и матерясь, они пошли в сторону тускло светящей лампочки, откуда доносился приглушенный ритм тяжелого рока и все явственней пахло марихуаной. Казалось, каждый дюйм чердачного пространства был пропитан этим запахом. Еще одна дверь – и Агеев оказался в

просторном помещении, которое освещала серая от пыли стоваттка, подвешенная к деревянной балке.

Агеев осмотрелся. Разбросанные циновки и матрасы, поверх которых лежали человек двадцать наркоманов. Кто в штанах, а кто и в трусах. А какая-то белозадая девица вообще оттопырилась на грязной циновке и, по-видимому, ловила кайф. Сам же Стакан сидел в вольтеровском кресле и смотрел какой-то сериал по явно украденному телевизору.

Мирный и довольно крупный, почти растекающийся в своем кресле, с такими жирными, нечесаными волосами, которые сальными прядями спускались на плечи, он представлял собой довольно омерзительное зрелище. Впрочем, и нарисовавшийся в его берлоге гость, видимо, не вызвал у него положительных эмоций. Стакан скользнул прощупывающим взглядом по тщедушной фигуре сорокалетнего мужика, видимо, определил ему свою собственную оценку, сплюнул и тяжело, словно давний астматик, произнес:

– Агей?

– Ну!

– Гну! Я тебя иным представлял.

Агеев только плечами пожал.

Стакан еще раз прошелся своими свинячьими глазенками по лицу гостя и вдруг спросил, словно поддых ударил:

– Мент?

Растерявшийся от неожиданности Агеев наморщил лоб, а Стакан уже гнул свое:

– Так я же с вами в завязке. Или ты из новеньких?

Вполне возможно, что этот жирный боров гнал тюлю, проверяя купца на вшивость, и можно было бы свободно заболтать его, однако Агееву уже стал надоедать весь этот цирк, и он очерился в злой ухмылке.

– Про свою завязку с ментами ты будешь им же и докладывать, а мы с тобой о другом потолкуем.

– Что?! Чего-о-о?

В этот же момент Агеев уловил, как к нему метнулась фигура Длинного, в руках которого что-то блеснуло, но он даже не стал тратить на него время. Длинный словно наткнулся на резко выброшенный тяжелый кулак и, охнув, будто подкошенный, мешком завалился на пол.

Филипп посмотрел на распластавшееся тело, поднял с пола никелированный кастет и шагнул к креслу.

Видимо не ожидавший ничего подобного, Стакан продолжал восседать в своем кресле, и, только когда непонятный гость сделал шаг в его сторону, он невольно сжался и, проглатывая окончания слов, забормотал:

– Ты... ты чего? Я же плачу... как и договаривались.

Однако этот непонятный мужик, прикрывшийся рекомендацией Пианиста, будто его не слышал.

– Где Пианист? – угрюмо процедил он, и Стакан вдруг понял, что ему же будет лучше, если он не будет сейчас возникать и давить на психику.

И в то же время опять этот проклятый Пианист... Будто не по его наводке здесь нарисовался этот урод.

– Пианист?.. – выдавил он из себя, не в состоянии понять, чего от него хотят. – Какой Пианист? Ты же сам сказал, что...

– Будешь крутить яйца, вырву мошонку! – сквозь зубы процедил Агеев, и на его щеке дернулся какой-то нерв. – Когда ты его видел последний раз?

По реакции хозяина этого чердачного города было видно, что он не имеет никакого отношения к исчезновению студента музыкального колледжа, по крайней мере он не кантуется сей-

час на этом чердаке, и теперь надо было выжать из этой жирной скотины всю информацию, которая могла бы пригодиться в поиске Чудецкого.

– Ну же! Рожай!

Насилюя свои мозги, отчего на лбу пролегли две глубокие морщины, Стакан пытался вспомнить, когда же он действительно видел Пианиста в последний раз. Точнее, когда тот в последний раз покупал здесь марихуану? Наконец, видимо, вспомнил:

– Дней пять назад. Может, неделю.

– А точнее?

– Пять... пять дней. Как раз товар поступил.

– И чем он отоварился?

– Как – чем? – удивился Стакан. – Травкой. Как всегда.

– И... и что? Больше ничем? – подозрительно спросил Агеев, вспомнив, что в тайничках исчезнувшего студента лежала не только травка, но и колеса. Экстези.

К хозяину чердачного городка, видимо, стала возвращаться его привычная наглость, и он снова сплюнул себе под ноги:

– А ты у него сам спроси. Он тебе во всем покается.

И тут же взвизгнул от боли, когда Агеев схватил его всей пятерней за мошонку.

– Я тебя предупреждал, что яйца оторву? Так вот еще одно лишнее слово...

– Хорошо, – простонал Стакан. – Пусти.

Агеев разжал пятерню.

– Кроме травки чем еще он у тебя отоваривался?

На мясистом лице чердачного пушера застыла маска боли, однако он нашел в себе силы отрицательно качнуть головой.

– У меня... кроме травки... нет больше ничего. Чего ты домотался? Менты ведь знают.

– А колеса?.. Где он экстези брал? Разве не у тебя?

– «Экстези»... – Несмотря на боль в мошонке, Стакан все-таки заставил себя язвительно ухмыльнуться. – Экстези – это не по нашим карманам. Здесь только травкой балуются да еще винтом, пожалуй. Тебе об этом и участковый наш подписку даст. А экстези... Экстези по ночным клубам да по дискотекам ищи, там где «зелень» в карманах шуршит.

Агеев не мог не верить хозяину чердачного городка и все-таки не удержался, спросил:

– А если узнаю, что он у тебя экстези брал? Стакан как на больного покосился на Агеева и уже в свою очередь спросил:

– А сам-то он на кого показывает? Или, может, на меня всех кошек вешает? Музыкан-тишка долбаный!

Судя по всему, он уже принимал Агея за оперка из службы наркоконтроля, который пытается нащупать тот канал с экстези, которым пользовался Пианист, видимо серьезно подза-тевший на своих колесах. И Агеев не стал его в этом разубеждать:

– На тебя и показывает.

– С-с-сука!

– Верю. И все-таки где он мог брать экстези? Уже явно успокоившийся Стакан, видимо окончательно решив, что нарисовавшийся в его владениях оперок не принесет ему особо больших хлопот, если, конечно, с ним вести себя по-людски, пожевал своими мясистыми губами, пожал плечами:

– Я бы сдал этого козла, влет сдал, но не знаю. Клянусь!

– И все-таки? Он закатил глаза, и на его лбу снова пролегли две глубокие морщины мыслителя.

– Кто-то мне говорил – правда, я уже не помню, кто конкретно, – что Пианист в «Аризону» зачистил, так, может, там отоваривается?

Агеев полоснул по крысячим глазкам хозяина чердачного борделя пристальным взглядом.

«Аризона»... Так назывался ночной клуб, посетить который мог далеко не каждый студент. А тут вдруг... зачастил... отоваривается. Что это – лапша на уши, чтобы только отвести от себя сиюминутную беду? Элементарный перевод стрелок? И в то же время... Экстези – это не только совершенно иной приход, чем от того же винта или мульки,¹⁰ но и определенное наличие монет в кармане, о чем и говорил этот разжиревший хорь. И наркоман, подсевший на винт или ту же мульку, никогда не позволит себе поменять пару-тройку фуриков¹¹ на таблетку экстези.

– А ты не ошибаешься... насчет «Аризоны»? На лице явно повеселевшего Стакана отобразилось нечто похожее на ухмылку.

– Я мог бы не помнить, как зовут отца нынешнего американского президента, но все эти клоповники-ночнушки с американскими названиями, перед которыми маменькины сынки и папенькины дочки стелькой стелются... – И он презрительно сплюнул, тем самым, видимо, выражая свое личное отношение хозяина города к богатеньким ночным тусовкам, которые перешибают у него потенциальных клиентов.

«Ни хрена себе заявочка! – мысленно усмехнулся Агеев. – Клоповники-ночнушки... отец нынешнего президента...» Прямо-таки обиженный социальной несправедливостью гегемон, готовый идти на баррикады ради угнетенного рабочего класса, а не хозяин клоачного города, жители которого зачастую заканчивают свою дурную жизнь золотой вмазкой.¹²

И как ни странно, но Агеев поверил ему.

Стакан, видимо, не был бы Стаканом, если бы в самом конце навязанной ему игры в вопросы и ответы, не предложил «дорогому гостю»:

– Может, девочку желаете? – И ощерился в улыбку, обнажив изрядно поредевший ряд гнилых зубов: – Только не подумайте обо мне примитивно.

Окончательно оправившись от боли в мошонке, этот гаденыш с пороссячьей мордой и жирными, давно не мытыми волосами нагледел буквально на глазах. Можно было бы, конечно, еще раз напомнить ему, кто на сей момент в этом городе хозяин, и Агеев уже почти представил себе наяву, как его кулак вспарывает печень этого козла, однако силой воли заставил-таки унять праведные чувства. Этот жирный хорь мог еще пригодиться в дальнейшей работе, и ради этого можно было пойти даже против своей собственной совести.

– Это что же, подкуп? – заставил себя ухмыльнуться Агеев.

Стакан сделал «фи».

– Я же просил вас не думать обо мне примитивно.

– Еще раз вякнешь о примитивности мышления, выбью зубы, – пообещал Агеев, и Стакан моментально оценил этот намек.

– Я же от чистого сердца.

– Тогда прощаю. А свою спидоносицу для участкового оставь.

На жирном лице Стакана отразилась вся мировая скорбь.

– Обижаете, гражданин начальник, таких не держим. – И тут же: – Вас провести?

– Сделай услугу. Но учти, если чего соврал...

Откинувшись на спинку водительского кресла и слушая рассказ Агеева, который довольно красочно расписывал чердачный город Стакана, Голованов мрачнел все больше и больше. Когда же красноречие Агеева иссякло, он промышал что-то маловразумительное и неподвижным взглядом уставился в ветровое стекло.

---

¹⁰ Мулька – готовый к употреблению раствор эфедрона.

¹¹ Фурик – пузырек с винтом, или «черным».

¹² Золотая вмазка – введение заведомо смертельной дозы наркотика.

– Ну и?.. – напомнил о себе Агеев. – Тебе мало того, что я накопал, или что-то не так? Голованов покосился на Агеева и уже чисто автоматически повернул ключ зажигания.

– Да нет, Филя, все путем. Да и информация более чем интересная.

– Это насчет «Аризоны»?

– Да. И, судя по всему, наш мальчик довольно крепко подсел на тему. А это уже хреновато.

Агеев прошелся по лицу друга острым, прощупывающим взглядом. Сева Голованов оставался вроде бы все тем же Севкой, каким он его знал едва ли не двадцать лет, и в то же время...

Чужую беду так близко к сердцу не принимают. И оно бы сейчас самое время расспросить, что да почему, однако что-то в лице Голованова заставило его сдержаться, и он обошелся всего лишь тем, что спросил негромко:

– «Аризона»? Голованов невразумительно пожал плечами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.